

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Кавказоведение

В истории русского кавказоведения деятельность АМ является одним из звеньев, связанным как преемственно, так и активно с работой других ученых организаций и отдельных лиц, находившихся в России, в Закавказье и за рубежом.

Практически нередко одни и те же ученые-кавказоведы работали одновременно в АМ и в Петербургском университете, в Русском и Московском археологических обществах, Кавказской археографической комиссии или в других учреждениях.

Однако, для того чтобы оценить роль АМ в истории изучения Кавказа, нужно, хотя бы приблизительно, представить себе, что уже было сделано в России к концу 30-х годов XIX в., т. е. ко времени, когда Кавказ стал предметом изучения в АМ.

Истоки научного кавказоведения в России восходят к памятникам древней русской письменности, упоминающим народы Кавказа начиная со второй половины X в. Летописные (X—XIV вв.) и документальные (XIV—XVII вв.) источники, а также записки русских путешественников и послов XV—XVII вв. свидетельствуют о ранней осведомленности русских о Кавказе, о их торговых, политических и культурных связях с Грузией. Однако это только предыстория последующего изучения Кавказа в России. Изучение началось в XVIII в., и важнейшая роль в его организации принадлежала Петру I, а затем АН.

Богатейшие материалы были собраны академическими экспедициями, в особенности второй экспедицией 1768—1774 гг., возглавлявшейся П. С. Палласом¹.

Как ученые трактаты, так и материалы экспедиций, по-

¹ Подробнее об этой экспедиции см., например: М. А. Полиевктов, Из истории русского академического кавказоведения XVIII в., — ИАН СССР, сер. VII, 1935, № 8, стр. 759—774.

ходные дневники, записки путешественников и посольские журналы, составившие основной фонд кавказоведной литературы XVIII в., содержали весьма разнообразные сообщения. Среди них мы находим географические описания с картографическими материалами, сведения исторические и очерки современного административно-политического состояния населения, этнографические и статистические обзоры и другие, часто разрозненные, но интересные описания, относящиеся к народам Кавказа.

Естественноиспытатели-энциклопедисты, такие, как В. Ф. Зуев, С.-Г. Гмелин, И.-А. Гюльденштедт, Ф. К. Маршал фон Биберштейн, врачи Г. Шобер и И. Я. Лерх, офицеры И.-Г. Гербер, П. Г. Бутков, Н. Д. Языков и С. Д. Бурнашев, военно-политический деятель П. С. Потемкин и многие другие деятели XVIII в., в том числе историк Т.-З. Байер положили начало изучению истории и культуры народов Кавказа.

Кавказоведение, определившееся в XIX в. как область гуманитарных знаний, развивалось в преемственной связи с трудами этих первых исследователей. Различная ценность составленных ими описаний, подчас поверхностных и не всегда достоверных, не умаляет их значения в истории науки.

Коренные изменения всех условий для развития кавказоведения в России наступили в начале XIX в.

К концу первой трети XIX в. достижения в области изучения Кавказа по сравнению с результатами изысканий, произведенных за предшествующее столетие, уже были очень значительны. За этот короткий период обозначилась дифференциация областей изучения и усилилось гуманитарное направление интересов. Изменилась методика наблюдений и записей, потребовавшая знания языков, что для русских облегчалось непосредственным и длительным пребыванием в местной среде. Со специально лингвистическими и этнографическими целями АН организовала путешествия двух академиков — в 1807—1808 гг. Г.-Ю. Клапрота и в 1835—1837 гг. А. М. Шёгрена.

Успешному развитию кавказоведения в этот период способствовали и следующие обстоятельства: контакты живших в Грузии русских с местными учеными и появление в русской чиновничьей среде дилетантов — собирателей древностей. Важнейшую роль в развитии изучения Кавказа сыграли увеличение в Тифлисе количества изданий на русском, грузинском и армянском языках и появление периодической печати. Изучение Кавказа не только находилось в руках представителей АН или местных ученых и любителей, но и шло в русле официальных правительственных мероприятий. В целом этот период может быть охарактеризован как период

организованного сбора материалов о Кавказе с уже ярко выраженным интересом к его населению.

На первом месте должно быть поставлено сочинение С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (1823), значительную ценность представляет и «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», составленное несколькими авторами (1831). Несомненный интерес сохраняют и описания путешествий Г.-Ю. Клапрота и А. М. Шёгрена.

Возникновение кавказоведных интересов и практических работ в АМ было вызвано двумя основными причинами. Во-первых, к середине 30-х годов директор музея Х. Д. Френ, основываясь на данных своих исследований в области истории Ближнего Востока, пришел к убеждению о необходимости специального изучения Кавказа и Закавказья. Во-вторых, история и культура народов, населявших территории, вошедшие в состав Российской империи, представляли политический интерес для русского правительства. Таким образом, начало кавказоведных исследований в АМ имело научное основание и нашло административную поддержку.

С конца 30-х годов XIX в. кавказоведение в АМ шло рука об руку со смежными дисциплинами, как неотъемлемая часть востоковедения.

На протяжении многолетней истории кавказоведения в АМ то занимало одно из наиболее значительных мест, то приходило в упадок, уступая ведущую роль в изучении Кавказа другим организациям. Периоды успехов и упадка кавказоведных исследований в АМ находились в зависимости и от смены научных задач, и от смены организаторов исследований, и, наконец, от общих путей развития кавказоведения в России, но в истории науки за АМ должно быть признано особое значение, так как именно на его базе произошло формирование русского гуманитарного кавказоведения и сложилась его первая научная школа.

Впервые в истории русского кавказоведения интерес ученых обратился к памятникам письменности, к исследованию исторических летописей и всех доступных историко-археологических источников. Впервые языки изучаемых народов стали важнейшим средством исследования, как и предметом специального интереса. Впервые изучение духовной культуры народов Кавказа получило полное признание в русской науке.

Кавказоведение в АМ очень быстро завоевало признание ориенталистов и славистов как самостоятельная область востоковедения. Этому немало способствовала энергия первых кавказоведов АМ, которые раскрывали как исторические связи древних народов Кавказа с народами Востока и с Россией, так и яркую самобытность их национальных культур.

Грузия и Армения, с самого начала бывшие в центре внимания кавказоведов АМ, воспринимались ими как страны, связанные между собой не только близостью географического положения, но во многом и общностью культурно-исторических судеб. Интерпретация источников под этим углом зрения характерна для кавказоведения в АМ.

В истории развития кавказоведения на базе АМ и ИВ можно наметить следующие периоды: 1. 1837—1879 гг. — собирание и исследование письменных источников (грузинских и армянских), публикация их с переводами. Формирование гуманитарного кавказоведения. Время деятельности М. Броссе и его научной школы. 2. 80-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. — АМ по традиции сохраняет значение центра кавказоведения в АН, но его деятельность сводится к хранению рукописей. Ученики М. Броссе, позднее Н. Я. Марр и его ученики используют рукописи АМ для отдельных исследований. 3. 30-е годы — 1941 г. — организация ИВ и Кавказского кабинета в его системе. Кабинет занимается историко-филологическим изучением Грузии, Армении и Азербайджана и принимает участие в составлении алфавитов, грамматик и словарей бесписьменных языков Северного Кавказа и Дагестана. 4. 1946—1968 гг. — систематическое описание и исследование грузинских и армянских рукописей ЛО ИВ. Работа в области истории и литератур Грузии и Армении. В 1958 г. И. А. Орбели восстанавливает Кавказский кабинет, предполагая положить в основу его исследовательской работы комплексный метод изучения Кавказа.

Краткий очерк истории кавказоведения в АМ—ИВ построен в соответствии с предлагаемой периодизацией.

* * *

Научная литература подсказала Х. Д. Френу имя нужного ему специалиста — французского ученого Мари-Филисите (Мария Ивановича) Броссе (1802—1880), автора двух монографий и статей². Идея приглашения М. Броссе в Петербург для работы в АМ нашла горячую поддержку ираниста Ф.-Б. Шармуа и жившего в Петербурге грузинского ученого, царевича Теймураза Багратиони, хорошо известного Х. Д. Френу. В 1836 г. Х. Д. Френ вступил в переписку с ориенталистом Сильвестром де Саси и самим М. Броссе, а затем начал переговоры с президентом Петербургской АН. Вопрос о переезде ученого в Петербург был решен, и летом 1837 г. М. Броссе приступил к работе в АМ в качестве адъюнкта АН.

Ученик армениста А. Сен-Мартена, М. Броссе, находясь

² Опубликованных в JA.

во Франции, имел весьма ограниченные возможности для удовлетворения своих определившихся интересов в области грузиноведения. Тем разительнее были успехи, достигнутые им в изучении языка, литературы и истории Грузии. Начав занятия грузинским языком в 1826 г., он уже в 1834 г. мог опубликовать составленную им грамматику³, а в 1837 г. — исследование⁴. С 1826 по 1837 г. М. Броссе издал 57 работ, основанных на литературных, эпиграфических и нумизматических источниках, большую часть по грузиноведению. Начав с византийских материалов, М. Броссе перешел к грузинским, армянским, китайским, касался в своих исследованиях материалов арабских, турецких, осетинских и лезгинских.

На поприще русской науки М. Броссе вступил как эрудированный ученый с широкими востоковедными интересами и член двух научных обществ⁵.

По своим научным интересам М. Броссе был прежде всего грузиновед и на протяжении своей жизни сделал в области грузиноведения более, чем в какой-либо иной. Грузиноведом он стал как автодидакт, начав освоение языка с параллельного чтения грузинского текста Библии и Септуагинты. Позднее практическую помощь в активном знании языка ему оказывали жившие в Париже грузинские царевицы, но важнейшую роль в формировании М. Броссе как грузиноведа сыграл Теймураз Багратиони, находившийся в России.

Знакомство с Т. Багратиони по переписке, начатой 18 июля 1830 г.⁶, перешло с 1837 г. в многолетнее сотрудничество двух ученых в Петербурге. Т. Багратиони писал М. Броссе до конца 1845 г.

Личное и косвенное участие Т. Багратиони в деятельности АМ и его роль в выработке основного направления кавказоведения в АМ в 40-х годах настолько значительны и в то же время неизвестны, что требуют хотя бы краткой характеристики.

Вопрос о роли Теймураза Багратиони в истории русского кавказоведения до настоящего времени еще не был поставлен. Между тем этот яркий и самобытный ученый оказал исключительное воздействие на развитие научной деятельности М. Броссе не только в ее ранний период, но и позднее. Письма Теймураза сыграли направляющую роль в научной подготовке французского ученого, для которого Россия стала вторым отечеством.

³ «L'Art Libéral, ou Grammaire géorgienne par M. Brosset jeune, membre de Conseil de la Société Asiatique», Paris, 1834 (литорг. изд.).

⁴ «Eléments de la langue géorgienne par M. Brosset jeune», Paris, 1837.

⁵ Société Asiatique de Paris (с 1825 г.), Société des Sciences, Belles-Lettres et Arts d'Orléans (член-корр. с 1829 г.).

⁶ «Письма Теймураза Багратиони акад. М. Броссе». Подг. текста к изд., предисл., прим. и прил. С. Кубанейшвили, Тбилиси, 1964. На груз. яз.

Будет уместным остановиться на содержании хотя бы двух ранних писем-статей Теймураза, отправленных им на имя М. Броссе из Петербурга в Париж, а ныне хранящихся в собрании ЛО ИВ⁷.

Письмо (Е 52) на 28 листах в тетради с золотым обрезом, написанное зимой 1832 г., озаглавлено М. Броссе на французском языке: «Ответы на различные вопросы по грамматике, истории и хронологии, заданные г. Сен-Мартеном и мной царевичу Теймуразу в январе 1832 г.». Письмо содержит отдельные сведения по морфологии грузинского языка и грамматические примеры к ним, сведения о принципах грузинского летосчисления, грузинские названия месяцев и толкования этих названий с краткими историческими справками, грузинскую астрономическую терминологию и грузинские названия знаков зодиака. Письмо (Е 53) на 44 листах, в тетради, полученное М. Броссе 18 марта 1833 г., озаглавлено Теймуразом «Письмо в ответ на написанное (мне) в 1832 году, хроникона 520, господином ученым Броссе, членом знаменитого Парижского Азиатского общества и моим исключительнейшим другом, содержащее извещение о некоторых ученых вопросах». Оно содержит теорию грузинского стихосложения и сведения из истории грузинского языка, замечания по вопросам грузинской нумизматики и исследование легенды на монете царя Георгия Лаша, исследование «Мученичества Давида и Константина» как исторического источника, критику книги Евгения Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии» (Спб., 1802).

Этого достаточно для того, чтобы составить себе представление о характере и объеме писем грузинского ученого, полученных М. Броссе еще задолго до начала его деятельности в АМ.

Фрагменты из писем Теймураза и некоторые его сочинения М. Броссе переводил с грузинского на французский язык и публиковал в журнале Азиатского общества⁸, а также в своем издании 1833 г.⁹

Т. Багратиони провел в Петербурге 35 лет, находясь в

⁷ Несколько писем Теймураза хранится в собрании грузинских рукописей ЛО ИВ, остальные — в Институте рукописей АН ГрузССР.

⁸ «Additions au Mémoires sur les documents originaux concernant la Géorgie», — JA, 1832, tt. III—V, 1-er appendice, «Calcul chronologique des Géorgiens, extrait d'un manuscrit, envoyé par le prince royal Théimouraz», II-me appendice; «Sur les cachets géorgiens avec l'extrait d'une lettre du Prince royal Théimouraz», — Nouv. JA, sér. 2, 1832, t. X, стр. 168—190; «Dissertation sur les monnaies géorgiennes, traduite d'une lettre du Prince Théimouraz avec des éclaircissements, par M. Brosset jeune», — Nouv. JA, 1835, t. XV, стр. 401—445; JA, sér. 3, 1836, t. 2, стр. 5—35 и др.

⁹ «Mémoires inédits à l'histoire et à la langue géorgienne», Paris, 1833 (литогр. изд.).

постоянном контакте с широким кругом русских и грузинских ученых; в 1836 г. он совершил путешествие в Германию. С декабря 1831 г. Т. Багратиони был почетным членом Азиатского общества в Париже, а с декабря 1837 г. — Петербургской АН, в 1844 г. он был избран членом Датского антикварного общества в Копенгагене.

Т. Багратиони внес вклад в науку не только своими знаниями. Он способствовал изготовлению грузинского шрифта в Париже, что дало М. Броссе возможность издать свои работы с грузинскими текстами, снабжал М. Броссе необходимыми книгами и рукописями, отправляя их в Парижское Азиатское общество¹⁰, а по приезде М. Броссе в Петербург предоставил ему в пользование свою библиотеку. Уже в первые месяцы работы в АМ М. Броссе смог ознакомиться с составом этой библиотеки *de visu* и опубликовать ее каталог, составленный владельцем и известный ему еще в Париже, дополнив его сведениями о грузинских книгах и рукописях в других частных библиотеках и переведя на французский язык¹¹. После смерти Т. Багратиони эта библиотека стала собственностью АМ и до настоящего времени служит предметом изучения.

Но работа в АМ не могла быть начата, пока не были собраны достаточные материалы. Поэтому все внимание М. Броссе обратился на собирание рукописей. К этому времени в АМ хранились три грузинские рукописи: две были переданы библиотекой АН, а третья в 1829 г. поступила от археографа П. М. Строева. Это были уникальная рукопись хроник XVIII в., вывезенная из Грузии И.-А. Гюльденштедтом, и отдельный экземпляр ее русского перевода, сделанного по его же заказу в 1777 г. Найденная П. М. Строевым в Вологде древняя грузинская рукопись содержала перевод «Номоканона». С 1828 г. в АМ хранилась рукопись XIX в. с копиями надписей средневековых армянских монастырей — Ахпата и Санаина, переданная в АМ К. Х. Бенкендорфом, а в 1837 г. АМ обогатился небольшой (11 экземпляров), но ценной коллекцией армянских рукописей, ранее принадлежавших П. П. Сухтелену.

¹⁰ М. Brosset, *Notice des manuscrits géorgiens envoyés en France par le prince Thémouraz, membre de la Société Asiatique*, — *Nouv. JA*, 1833, t. 12, стр. 155—162; М. Brosset, *Rapports sur les livres en langue de l'Osséthi, offerts à la Société par le prince Thémouraz*, — *JA*, sér. 3, 1836, t. 1, стр. 202—205.

¹¹ «Catalogue de livres géorgiens tant imprimés que manuscrits, ancien et modernes», — *Rec. d-act.* 1837, St.-Pbg., 1838, стр. 119—178. В оригинале без дополнений М. Броссе каталог был опубликован позднее: 1) Список грузинских рукописей и старопечатных книг, хранившихся в библиотеке царевича Теймураза Георгиевича, — А. Цагарели, *Сведения о памятниках грузинской письменности*, вып. III, СПб., 1894, стр. 149—186. 3) Каталог библиотеки царевича Теймураза. Изд. С. Иорданишвили. Тбилиси, 1948. Авторграф хранится в собрании ЛО ИВ.

При энергичной поддержке со стороны Х. Д. Френа М. Броссе приступил к пополнению фондов. Научная база грузиноведения и арменистики создавалась не только по инициативе и личными трудами М. Броссе, но и при деятельнейшем участии грузинских, армянских и русских ученых, библиофилов и коллекционеров, дилетантов-чиновников и таких тружеников, как копиисты рукописей. Работа велась интенсивно и планомерно, в соответствии с научными замыслами первого ученого собирателя памятников письменности Армении и Грузии в АМ.

Большая часть грузинских рукописей была собрана в АМ за время деятельности М. Броссе. Это были коллекции библиофилов Петрэ Кебадзе и Георгия Авалишвили, позднее рукописи и книги Теймураза Багратиони, отдельные экземпляры и копии, снятые по заказу АМ. В итоге образовалось замечательное собрание, сохранившее научный интерес до наших дней.

Поскольку важнейшей задачей основоположников кавказоведения в АМ в 30—40-х годах было накопление оригинальных письменных источников об Армении и Грузии, то рукопись интересовала их прежде всего своим содержанием. В связи с этим в АМ было организовано копирование рукописей, находящихся в других хранилищах и в частных библиотеках Грузии и Армении, Петербурга и Москвы, Венеции и Парижа. Такая постановка дела потребовала немалых усилий и заняла несколько лет, но собрания армянских и грузинских рукописей пополнились списками, содержащими тексты первостепенной научной важности. Особое значение это имело для собрания армянских рукописей, которое вплоть до 1893 г. и состояло преимущественно из копий, но не меньшее значение имело и приобретение текстов грузинских исторических документов.

В рукописных коллекциях АМ будущие арменисты Петербурга получили серию трудов армянских историков-классиков VII—XVII вв. и средневековые надписи, а грузиноведы — также надписи и тексты во многих случаях уже утраченных подлинных документов XI—XIX вв. (копии с копий) общим числом свыше 700. В Петербурге для копирования рукописей были привлечены переводчик Азиатского департамента МИДа Георгий Майсурадзе, чиновник Иосиф Назаров и наборщик типографии АН Симон Табидзе. В Москве перепиской рукописей для АМ неоднократно занимался Петрэ Кебадзе, а документы копировал лексикограф Давид Чубинов. Из Грузии копии документов направлялись в АМ экзархом Евгением, историком Платоном Иоселиани и председателем Кавказской археографической комиссии А. П. Берже.

Копии снимались по заданию АН с экземпляров, хранившихся в Тифлисской синодальной конторе и в некоторых мо-

настырях Западной Грузии. Кроме того, Платон Иоселиани, археолог Димитрий Мегвинетхуцесов (Мегвинетхуцишвили) и нумизмат М. Барагаев (Бараташвили), с которыми М. Броссе сотрудничал во время своего археологического путешествия в Грузию и Армению в 1847—1848 гг., посылали в АМ копии лично им принадлежавших документов. Копии грузинских надписей в АМ посылали историк П. Иоселиани, востоковед Н. В. Ханыков, археолог и нумизмат И. А. Бартоломей, тифлисский чиновник В. Ф. Переващенко, капитан А. Ф. Тшасковский и другие лица. Находясь в научной переписке с арменистом Ф. Коргановым, М. Броссе получил из Армении копии трудов армянских ученых О. Шахатуняна, О. Кримери и А. Ерзнкянца, посвященные архитектурным памятникам Армении.

Для М. Броссе в первые годы его деятельности в АМ это были интереснейшие исторические источники, содержавшие большой эпиграфический материал, собранный в средневековых армянских монастырях. Помимо рукописей эпиграфического содержания при посредстве Ф. Корганова в АМ поступали и копии экземпляров, главным образом Эчмиадзинского хранилища, среди них труды армянских историков. Тогда же, в 40-х годах, по заказу М. Броссе в АМ высылались копии армянских рукописей из Венецианской конгрегации мхитаристов, из Парижской Национальной библиотеки и из Румянцевского музея в Москве. Помимо нарративных и документальных источников М. Броссе высоко ценил сведения колофонов и приписок к рукописям, поэтому из Венецианской конгрегации в АМ были присланы и копии колофонов.

Обладая недюжинными организаторскими способностями, глава первой русской научной школы кавказоведения сумел в течение первых пятнадцати лет своей деятельности в АМ создать первоклассное собрание памятников письменности, которое с годами пополнялось.

Некоторые грузинские и армянские рукописи, поступившие в АМ при жизни М. Броссе, и рукописи из его личной коллекции явились базой научной литературы того времени как источники для исследований и материалы для публикаций. В этом заключается их важная роль в истории русского кавказоведения.

Изучение все новых произведений грузинской литературы первым их исследователем в АМ немедленно находило отражение на страницах академических журналов и отдельных изданий. Используемые в научной литературе рукописи АМ способствовали не только развитию науки, но и ознакомлению представителей передовых кругов России с историей грузинского и армянского народа и достоянием их древней культуры. Романтический интерес к природе и быту Кавказа, возникший в России с присоединением к ней Грузии и в свя-

зи с длительной Кавказской войной, питался главным образом рассказами побывавших за Кавказским хребтом военных и чиновников и произведениями русской художественной прозы и поэзии. Представления об истории и культуре Грузии были поверхностны и смутны. В этом отношении характерна статья даже разносторонне образованного ориенталиста О. И. Сенковского «Некоторые сомнения касательно истории Грузинов» (1838)¹². Ответом на выводы О. И. Сенковского послужила статья М. Броссе, доложенная в том же году в АН¹³. Таким образом, рукописи АМ служили и для распространения научно обоснованных сведений о стране, присоединенной к Российской империи, что говорит об общественной роли деятельности АМ в области кавказоведения.

Авторитет АМ, как и личный авторитет его директора нумизмата Х. Д. Френа, а также М. Броссе, поощряли собирателей монет не менее, чем владельцев библиотек или собирателей документов и надписей. Поступления грузинских монет в коллекции музея начались в 1820 г., когда АМ приобрел 13 монет от московского нумизмата Шпревитца¹⁴. Первые армянские монеты поступили в АМ в 1833 и 1834 гг. от русского генерального консула в Генуе Гейдекена¹⁵. В дальнейшем, с 1821 г., грузинская нумизматическая коллекция пополнялась регулярно и к приезду М. Броссе в 1837 г. насчитывала свыше 80 экземпляров. В результате деятельности М. Броссе коллекция в 1839 г. пополнилась 40 монетами. В 1842 г. грузинский нумизмат М. Баратаев передал в АМ гальванопластические копии отдельных экземпляров из своей личной коллекции¹⁶. Пополнение армянской коллекции АМ в эти годы шло значительно менее интенсивно; так, лишь в 1838 г. арменист А. Худобашев подарил музею шесть монет¹⁷.

Нумизматические и эпиграфические материалы привлекли исследовательский интерес М. Броссе еще в бытность его во Франции. Ряд его ранних работ посвящен описанию известных ему грузинских коллекций, публикации труда Т. Багратиони, наконец, исследованию монет. Значение нумизматических данных как исторических свидетельств в этот период уже вполне выясняется для М. Броссе. В дальнейшем нумизматика и в особенности эпиграфика занимают одно из центральных мест в его занятиях — их данными он проверяет

¹² «Библиотека для чтения», т. XXX, 1838, разд. III, стр. 151—172.

¹³ «*Revue des antiquités géorgiennes*», — Bull. sc., 1839, t. V, № 3, стлб. 35—48.

¹⁴ Dogn, As. Mus., стр. 236.

¹⁵ Там же, стр. 433, 448.

¹⁶ Там же, стр. 86, 100.

¹⁷ Там же, стр. 81.

сведения летописей, уточняет датировки, устанавливает генеалогии. В силу этого активная деятельность на Кавказе М. Баратаева, Н. В. Ханыкова, И. А. Бартоломея, И. И. Ходзько, В. Ф. Переваленко и ряда других лиц представляла для М. Броссе живейший интерес. Придавая письмам своих корреспондентов большое научное значение, М. Броссе неоднократно публиковал их до 1837 г. в Париже, а позднее — в изданиях АН. Так, в 1854 г. он издал со своими комментариями письма И. А. Бартоломея и ряд материалов по грузинской эпиграфике, присланных ему в Петербург¹⁸. Это издание содержит важнейший материал, освещающий организацию и научные результаты изучения памятников материальной культуры Восточной и Юго-Восточной Грузии, Имеретии и Сванетии и одновременно связи АМ через посредство М. Броссе с учеными, работавшими на Кавказе. Комментарий М. Броссе к этому изданию отражает его личный опыт в области эпиграфики, приобретенный за время пребывания в Грузии и Армении в конце 40-х годов¹⁹. Тщательнейшее ознакомление с памятниками письменности и материальной культуры Грузии и Армении позволило М. Броссе собрать материалы исключительной научной ценности.

В подробном описании, изложенном в форме двенадцати отчетов, содержится множество текстов грузинских и армянских надписей, сохранившихся на стенах монастырей, церквей и могильных плитах, описания рукописей и документов, характеристики лиц, с которыми М. Броссе встречался и беседовал, картины быта Армении и Грузии. Наиболее ценная часть отчетов относится к эпиграфике. Уже в 1849 г. М. Броссе издает результаты работы грузинского археолога А. М. Мегвинетхуцесова, который в 1850 г. по заданию АМ и научной инструкции М. Броссе продолжал сбор эпиграфических текстов в Грузии²⁰. Что касается армянской археологии, то помимо эпиграфики М. Броссе уже в 60-х годах издает работу, выполненную по материалам Минаса Бжшкяна, Ю. Кестнера, Н. В. Ханыкова, Г. В. Абиha²¹.

¹⁸ «Lettres de M. Bartholomaei, relatives aux antiquités géorgiennes», envoi de M. de colonel Khodzko; icnsriptions d'Akhal-Kalak, par M. Pérévalenko, — Bull. hist.-phil., 1854, t. XI, № 16—17, стлб. 241—272; № 18—19, стлб. 273—299; 1855, № 7—8, стлб. 128.

¹⁹ «Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 sous les auspices du prince Vorontzof, lieutenant du Caucase, par M. Brosset», Livr. 1—3, St.-Pbg., 1849—1851.

²⁰ «Inscriptions recueillies par M. Dimitri Méghwineth-Khoutzesischwili», — Bul. hist.-phil., 1849, t. VI, № 11, стлб. 164—176; № 12, стлб. 177—190; № 13—14, стлб. 219—222; «Instruction et itinéraire pour le voyage archéologique de M. Dimitri Méghwinethkhoutzesof», — Bull. hist.-phil., 1850, t. VII, № 1—2, стлб. 27—32.

²¹ «Ruines d'Ani, capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides aux X-e et XI siècles; histoire et description», pt. 1—2, St.-Pbg., 1860—1861.

Свыше двадцати работ М. Броссе посвятил исследованию грузинских и армянских документов, в частности связанных со взаимоотношениями Грузии с Россией. Его работы, выполненные за время деятельности в АМ, освещали связи Грузии с Россией XVII—XVIII вв., период все большего сближения Грузии с Россией и обострения ее отношений с Ираном. Эти документы были обнаружены М. Броссе в московских архивах²².

Работа М. Броссе за время деятельности в АМ, будь то широко комментированное издание грузинских летописей и хроник с переводами²³ или издание серии трудов армянских историков²⁴, как и многие другие публикации и исследования М. Броссе, отражает его научные контакты с другими учеными и тем самым их косвенное участие в кавказоведной деятельности АМ. Так, при подготовке грузинских летописей М. Броссе, несомненно, консультировался с Теймуразом Багратиони (тем более что для критики текста тот предоставил ему свой экземпляр «Картлис цховреба»), в комментариях использовал переводы с восточных языков, сделанные для него Б. А. Дорном и И. Готвальдом; т. IV был подготовлен Д. Чубиновым. Серия трудов армянских историков, как и другие публикации армянских исторических сочинений, была подготовлена М. Броссе в самом тесном общении с арменистом К. П. Паткановым. В свою очередь переводы К. П. Патканова трудов Гевонда, Себеоса, Моисея Каланкатуйского, Аракела Тавризского и ряд других арменистических работ этого ученого были сделаны по совету М. Броссе и по его рекомендации изданы АН. Также по его рекомендации АН выпустила в свет ряд работ французского армениста В. Ланглуа, посвященных одна источникам «Истории Армении» Моисея Хоренского, остальные — отдельным вопросам и периодам истории Киликии. М. Броссе внес свой вклад и в уже подготовленный до его приезда в Россию грузинско-русско-французский словарь Давида Чубинава, в котором третью, латинскую часть М. Броссе заменил французской. Словарь был издан в 1840 г. АН и удостоен полной Демидовской премии. Как кавказовед, М. Броссе снабдил замечаниями и труд Б. А. Дорна «Каспий». Он работал в научном общении с П. И. Демезоном, Н. П. Кондаковым,

²² «Correspondance en grec des rois géorgiens du Cakhet avec la Russie, pendant le XVII siècle», — Bull. sc., 1842, t. IX. № 23—24, стлб. 349—380; 1842, t. X, № 7—8, стлб. 112—128. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. Под ред. и с предисл. на русск. и франц. яз. М. Броссе, СПб., 1861.

²³ «Histoire de la Géorgie, depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle», t. 1—7, St.-Pbg., 1849—1857 (publ. et trad. par M. Brosset; t. IV publ. par D. Tchoubinof).

²⁴ «Collection d'historiens arméniens», t. I—II, St.-Pbg., 1874—1876.

П. И. Кеппеном, А. А. Куником и многими другими петербургскими учеными различных гуманитарных специальностей.

В АМ М. Броссе имел постоянную поддержку в лице Х. Д. Френа и Б. А. Дорна, вклад которых в развитие кавказоведения был также значителен. Х. Д. Френ каталогизировал армянские рукописи и не раз интересовался грузинскими, что видно из его приписок на переплетах. В 1836 г. он информировал М. Броссе о замечательной коллекции древних грузинских рукописей, принадлежавших Г. Авалишвили, отправив в Париж их перечень, который сохранился в собрании грузинских рукописей ЛО ИВ (Н 69). Х. Д. Френ был в курсе всех новейших армянских и грузинских нумизматических поступлений и изучал их совместно с Т. Багра-тиони и М. Броссе. В период с 1836 по 1838 г. Х. Д. Френ опубликовал три свои работы, связанные с кавказскими материалами²⁵.

Значительный вклад в развитие кавказоведения внес и Б. А. Дорн, совершивший в начале 60-х годов путешествие на Кавказ, подробный отчет о котором был представлен в специальной статье²⁶. Это путешествие принесло ему материалы, частично использованные в позднейшем фундаментальном труде²⁷. За рассматриваемый период истории кавказоведения в АМ Б. А. Дорн, более чем кто-либо из ученых, занимался проблемой Каспия и его южных областей. Подходя к изучению Кавказа как востоковед, Б. А. Дорн объективно обогатил новыми исследованиями и востоковедение, и кавказоведение, и историю России. Б. А. Дорн первый в АМ исследовал восточные источники в целях изучения областей и народов Кавказа, что необходимо отметить как важный этап в развитии кавказоведения в 40-х годах XIX вв.²⁸

Заслуги перед кавказоведением имел и востоковед Н. В. Ханыков, письма которого, посвященные надписям

²⁵ «Erklärung der arabischen Inschrift des eisernen Thorflügels zu Gelathi in Imerethi», — Мém., sér. VI, t. III, 1836, стр. 531—546; «Ueber zwei Inschriften von Nachitschewan», — Bull. sc., 1837, t. II, № 1, стлб. 14—16; «Ueber ein merkewürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi», — там же, 1838, t. IV, № 3, стлб. 33—45; № 4, стлб. 49—53.

²⁶ «Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meers», — Bull. de l'Acad., t. IV, 1862, стлб. 344—393.

²⁷ «Каспий. О походах древних руссов в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря», СПб., 1875.

²⁸ «Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen», — Bull. sc., 1840, t. VII, № 8—9, стлб. 101—104; Мém., sér. VI, t. V, 1845, стр. 317—434; t. VI, 1844, стр. 325—443; Bull. hist.-phil., 1844, t. I, № 3, стлб. 43—46; Мém., sér. VI, t. VII, 1847, стр. 465—569.

средневековой столицы Армении Ани и окрестностей Баку, при содействии М. Броссе были изданы АН²⁹.

В лице историков П. Иоселиани и Д. Бакрадзе (1827—1890) М. Броссе имел многолетних и активных помощников. Письма П. Иоселиани содержат интереснейший материал по истории кавказоведения в АМ за период с 1838 по 1867 г. П. Иоселиани пропагандировал грузинскую историю и культуру, написав ряд работ на русском языке. Отметим, что к исследованию истории Грузии он привлек античные источники. Работы П. Иоселиани содержат материалы по истории, археологии и этнографии Грузии. П. Иоселиани был членом Одесского общества истории и древностей с 1848 г. и членом других ученых обществ. Д. З. Бакрадзе, историк и археолог, член-корр. Петербургской АН с 1879 г., внес в грузиноведение ряд ценных исследований, представляющих интерес и в наши дни. К ним относится описание Сванетии, «Кавказ в древних памятниках христианства» (1875), «Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре», изданное в 1878 г. АН. Д. З. Бакрадзе был постоянным членом Кавказской археографической комиссии, основателем Общества любителей кавказской археологии и одним из организаторов V всероссийского археологического съезда в Тифлисе (1881). Участие Д. З. Бакрадзе в деятельности АМ было плодотворно и несомненно сказалось на формировании интересов этого учебного.

Работая у себя на родине, а затем в сотрудничестве с АМ в Петербурге, многие ученые-кавказцы внесли свой вклад в развитие кавказоведения в России. Так, в частности, на раннем этапе кавказоведных исследований в АМ их свободное владение языками, знание памятников письменности, знакомство с методами уже сложившейся национальной филологии помогали петербургским исследователям в поисках и в изучении источников. Влияние их распространялось и шире.

До начала 80-х годов, т. е. в период деятельности М. Броссе, кавказоведение в АМ не вышло за пределы традиционного понимания истории народов Кавказа (Армении и Грузии).

Задачи соответствовали требованиям времени и подготовленности науки для их осуществления. М. Броссе был не только ученым-исследователем, но и организатором науки. Его интерес и внимание были сосредоточены на изучении двух народов, наследников древней культуры с развитой письменностью. Историческое прошлое бесписьменных народов Кавказа, их быт и язык не вошли в сферу его научных

²⁹ «*Quelques inscriptions musulmanes d'Ani et des environs de Bakou, extrait d'une lettre de M. Khanikof*», — *Bull. hist.-phil.*, 1849, t. VI, № 13—14, стлб. 193—200.

интересов. Роль М. Броссе в АМ была прежде всего ролью первооткрывателя источников и подготовителя их комментированной публикации с переводами. Переводы М. Броссе с армянского языка были подвергнуты суровой критике его современником и сотрудником К. П. Паткановым³⁰, а с грузинского — М. Г. Джанашивили³¹. Однако, несмотря на отдельные погрешности, переводы М. Броссе заслуживают полного признания, так как они ввели новые источники в оборот европейской науки. Комментарии М. Броссе оставались преимущественно в рамках сопоставления данных исторических источников и дополнения их сведений, проверки дат и т. д., но и это было важнейшим этапом в изучении истории Грузии и Армении. За время деятельности М. Броссе были заложены основы вспомогательных исторических дисциплин — хронологии, палеографии, нумизматики, эпиграфики, сфрагистики. Понимание языка как исторического источника было делом будущего. Делом будущего было и понимание Кавказа как исторически сложившегося единого культурного целого. Важно то, что М. Броссе понимал единство культурного мира Армении и Грузии, как и самостоятельную роль Кавказа в истории мировой культуры. Н. Я. Марр справедливо оценил научную деятельность М. Броссе: «Для нас,— писал он,— Броссе еще особенно ценен как европейский ученый, впервые проложивший путь к признанию единства задач армянской и грузинской филологии. Эта черта ярко выступает во всех основных трудах Броссе»³². Но подлинная критика источников наступила позднее, с развитием востоковедения, с развитием исторической науки и всех ее дисциплин. Новатором в научном понимании истории и культуры народов Кавказа явился Н. Я. Марр. Однако новый этап в истории науки не может умалить значения прошлого. Реальное наследие первой школы гуманитарного кавказоведения послужило основанием для создания второй научной школы, которую возглавил Н. Я. Марр, преемственность их задач определяется вполне отчетливо.

* * *

Второй период в истории кавказоведения в АМ, охвативший свыше сорока лет, был временем почти полного затишья. Центр активной деятельности кавказоведов Петербурга во

³⁰ «Библиографический очерк армянской исторической литературы», СПб., 1880, стр. 17—18.

³¹ Вахушти, География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашивили, — ЗКОИРГО, вып. 5, 1904, кн. XXIV, стр. XVIII—XXIV.

³² «К столетию со дня рождения М. И. Броссе», — ЗВОРАО, XIV, 1902, стр. 073—078.

главе с Н. Я. Марром переместился из АМ на ФВЯ и ВОРАО. Роль АМ свелась к хранению грузинских и армянских рукописей, собрания которых (главным образом армянских) начиная с 1884 г. время от времени пополнялись. За исключением коллекции М. Броссе, поступившей в АМ в 1884 г. согласно его завещанию, все последующие приобретения рукописей происходили при участии и по рекомендации Н. Я. Марра. Сам Н. Я. Марр много работал над рукописями АМ еще в студенческие годы и позднее и по их материалам опубликовал несколько весьма ценных работ. К столетию АМ Н. Я. Марр подготовил статью «Кавказ», посвященную обзору армянских и грузинских рукописей и книг³³.

* * *

Важнейший, принципиально новый этап развития кавказоведения наступил после Великой Октябрьской социалистической революции, которая поставила исследования в этой области на службу народам Кавказа и Закавказья.

Понимание новых задач, вставших перед наукой, помогло Н. Я. Марру — главе советской школы кавказоведения — перейти к их практическому осуществлению. Выдающаяся по широте проблем научно-организационная работа Н. Я. Марра, его личное участие в деятельности многих научных и учебных учреждений и коллективов в Петрограде — Ленинграде, в Москве, на Кавказе и в Закавказье давали результаты большой практической важности. Составленные Н. Я. Марром «Записки» в связи с созданием в Тифлисе в 1917 г. Кавказского историко-археологического института (КИАИ) представляли собой широкую программу действий кавказоведения³⁴. Участие Н. Я. Марра в образованной в феврале 1917 г. при АН Комиссии по изучению племенного состава России (КИПС) и организации работы по изучению и определению племенного состава Кавказа при КИАИ имели большое научное и практическое значение. Назовем такие работы Н. Я. Марра, как «Племенной состав населения Кавказа»³⁵, «Талыши»³⁶ и «Кавказские племенные названия и местные параллели»³⁷.

После Великой Октябрьской социалистической революции прямо или косвенно Н. Я. Марр принимал участие в большинстве мероприятий, связанных с организацией новых культурных центров в Грузии, Армении и Азербайджане и в созда-

³³ Аз. Муз. Памятка, стр. 91—99.

³⁴ ИАН, 1917, № 13, стр. 962—994, 1000—1006; 1918, № 14, стр. 1410—1411, 1472—1473. Отчеты о работе КИАИ (с 1931 г. — ЗИАИ) см. в отчетах о деятельности РАН — АН СССР с 1917 г.

³⁵ «Труды КИПС», т. 3, Пг., 1920.

³⁶ Там же, т. 4, Пг., 1922.

³⁷ Там же, т. 5, Пг., 1922.

нии первых национальных научно-исследовательских и краеведческих учреждений в этих республиках.

Изучение Кавказа и Закавказья в стенах АМ за время с 1917 по 1930 г. входило по давней традиции в круг задач отдела «Кавказ и Христианский Восток» IV Отделения АМ «Восточные рукописи и книги, печатанные на Востоке».

Единственным штатным сотрудником, исследователем кавказских материалов с 1924 г. был хранитель отдела А. Н. Генко. Изредка на договорных началах в работе отдела принимали участие К. Д. Дондуа, Р. М. Шаумян и А. А. Калантар. Работа сосредоточивалась на комплектовании библиотеки книгами на армянском, грузинском, а позднее — на северо-кавказских языках и специальной литературой по кавказоведению. Пополнялось и собрание рукописей. Над армянскими и в особенности над грузинскими рукописями много работал Н. Я. Марр, а также И. А. Орбели, Ю. Н. Марр, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Бенешевич, А. Г. Шанидзе, А. Н. Генко, К. Д. Дондуа и др.

Азиатский архив с его чрезвычайно интересными материалами по Кавказу также не оставался вне поля зрения ученых. Они работали над языковедческими исследованиями Р. Эрккерта, посвященными языкам Северного Кавказа; над анонимной рукописью по истории и географии Кавказа, в которой А. Н. Генко определил третью часть сочинения Броневского, считавшуюся утерянной; над русско-тушинским словарем и тушино-цовской грамматикой И. Цискарова и многими другими архивными материалами.

Таким образом, рукописи АМ продолжали служить источниками, однако начало их научному описанию было положено только в конце 20-х годов. Под руководством Н. Я. Марра А. А. Калантар составил описание 15 армянских рукописей, но работа эта вскоре прервалась. В 1935 г. Р. М. Шаумян описал 49 пергаменных фрагментов из коллекции К. Костаняна. Это описание, как и работа А. А. Калантара, сохранилось до настоящего времени.

С организацией ИВ в 1930 г. в его системе был создан Кавказский кабинет, а заведующим его назначен А. Н. Генко ³⁸.

В 1931 г. в штат кабинета был принят первый сотрудник — А. Г. Башинджагян, которому была поручена работа над армянским книжным фондом. В продолжение этого же года на договорных началах обработкой грузинского книжного фонда занималась К. А. Ракитина, с января 1932 г. зачисленная в штат. В 1932 г. в состав кабинета временно вошел филолог К. Д. Дондуа, работавший над отдельными темами в области грузинской литературы; одновременно он

³⁸ Начиная с 1930 г. материалы о работе Кавказского кабинета хранятся в ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 под соответствующими номерами.

руководил работой К. А. Ракитиной. Таким образом, в организации работ по кабинету в первую очередь удалось обеспечить его работниками в библиотечной и библиографической части по армянскому и грузинскому языкам.

В начале 1934 г. в кабинет были приняты В. Д. Дондуа — по специальности история Грузии и Р. Р. Орбели — на место А. Г. Башинджагяна, поступившего в аспирантуру. На В. Д. Дондуа были возложены обязанности ученого секретаря кабинета.

Осенью 1935 г. по окончании аспирантуры в ГАИМК в состав кабинета вернулся А. Г. Башинджагян (специальность — история Армении), а по договору для обработки книжного азербайджанского фонда была привлечена З. Меликова.

В 1936 г. в состав кабинета был зачислен А. Гусейнзаде, работавший по истории Азербайджана, а также приглашен С. В. Тер-Аветисян — по археологии и истории Армении.

В 1938 г. сотрудником кабинета стал грузиновед Б. Т. Руденко, затем были приняты арменисты — литературовед С. Г. Арешян и историк А. Г. Галстян.

Осенью 1932 г. к кабинету были прикреплены аспиранты — один по истории народов Северного Кавказа (М. Андреева), другой — по истории армянской литературы (Р. Тер-Матевосян), но в конце 1933 г. они были отчислены ввиду недостаточной подготовленности по избранной специальности. Осенью 1935 г. к кабинету снова прикрепили аспирантов С. Т. Еремяна — по истории Армении и М. И. Ибрагимова — по истории азербайджанской литературы.

В результате роста числа сотрудников уже за первые шесть лет существования ИВ кабинету удалось развернуть и проделать значительную работу как в научной, так и научно-вспомогательной областях. Были обработаны большие книжные фонды на языках народов Закавказья и Северного Кавказа. Составление алфавитного и систематического каталогов и библиографий создало прочную базу для научной работы. Отстающим участком в этой области оставался Азербайджанский фонд.

Научная жизнь кабинета в значительной мере была направлена на выполнение ряда насущных задач новой, советской культуры в республиках Кавказа и Закавказья. Практически этим задачам служили работы в области кавказского языкознания, консультативная помощь и участие в жизни местных научных центров. Что же касается теоретических основ кавказоведных исследований, то работа кабинета опиралась на принципы армяно-грузинской филологии. Таким образом, предметом исследований кабинета должен был стать Кавказ в целом, сосредоточивший на сравнительно небольшом

пространстве множество языков и народов и по количеству объектов гуманитарного изучения представляющий единственный в своем роде район.

Естественно, что весь комплекс гуманитарных дисциплин не мог быть представлен в кабинете, но выполнение и более ограниченных задач требовало участия многих специалистов. Однако сложилось так, что научная работа по изучению народов Северного Кавказа и Дагестана велась в кабинете лишь одним сотрудником. По охвату материалов и продуктивности она могла соответствовать работе коллектива, но почти целиком сосредоточивалась в области лингвистики. Изучение истории северокавказских народностей, значение которой выходит далеко за пределы Кавказа, ограничивалось отдельными темами того же исследователя — А. Н. Генко. К середине 30-х годов назрел вопрос с необходимости расширить изучение Северного Кавказа и разделить кабинет на два сектора (Закавказье и Северный Кавказ), но это организационное мероприятие, признанное очень важным, так и не было реализовано.

Руководитель кабинета был кавказоведом широкого диапазона. Классик и востоковед по образованию, ученик В. В. Бартольда, Н. Я. Марра и И. Ю. Крачковского, А. Н. Генко подошел к изучению Кавказа от классического мира, а к специальному исследованию северокавказских языков — от филологических исследований памятников письменности Грузии и Армении. Он был деятельным участником создания литературных языков и письменности для бесписьменных народов многоплеменного Кавказа.

А. Н. Генко работал на научном поприще более 20 лет, его литературное наследие насчитывает свыше 50 трудов. Вся его деятельность протекала после Великой Октябрьской социалистической революции и была связана с АМ — ИВ. Будучи в первую очередь и более всего лингвистом, А. Н. Генко в то же время занимался историей и этнографией, а также фольклором Кавказа; в ранние годы он изучал грузино-персидские литературные связи, несколько позднее исследовал древнегрузинские тексты по данным палеографии. Блестящее знание языков не только Кавказа и Закавказья, но и арабского, тюркских и иранских языков, а также многообразных источников открывали перед А. Н. Генко широкий круг тем. Сбор материалов на местах и участие в жизни местных культурных учреждений создавали ему живое представление о современном быте, духовных стремлениях и нуждах кавказских народов.

Труды Генко охватывают языкознание, историю Кавказа, этнографию Кавказа и армяно-грузинскую филологию. От специальных занятий армяно-грузинской филологией он впоследствии совсем отошел. Из работ в этой области отметим

статью «Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии»³⁹, входящую в круг исследований палимпсеста-билингвы с еврейским и грузинским текстами, над которыми работали также Р. Блейк, П. К. Коковцов, А. Г. Шанидзе. Исследование Генко, образцовое в филологическом и палеографическом отношениях, оказалось чрезвычайно ценным как для гебраистов, так и для грузиноведов.

Из работ Генко в области истории и истории культуры народов Кавказа необходимо отметить статью «Из культурного прошлого ингушей» и серию, посвященную арабским источникам. «Редко где проблема культурного смешения, в самом широком смысле слова,— писал он,— так резко выступает на первый план и приковывает к себе тотчас же исследовательское внимание, как на Кавказе: здесь заключен особый методологический интерес изучения кавказских народов»⁴⁰. Именно этот узел культурных смешений служил ему предметом исследований. Все эти исследования построены на широком привлечении греческих, арабских, турецких, армянских, грузинских, русских и других источников, на данных археологии (эпиграфика и архитектура, памятники материальной культуры), на сведениях нарративных и документальных источников, на материалах лексики, этнографии и фольклора изучаемых народов.

Чрезвычайную ценность представляют работы по исследованию и публикации арабоязычных источников по истории Кавказа, проведенные Генко в тесном сотрудничестве с И. Ю. Крачковским. Это «Арабская карта Чечни эпохи Шамиля»⁴¹ и «Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии»⁴². Обобщение многих проблем и итогов исследований Генко в области арабских источников изложено им в статье «Арабский язык и кавказоведение. О значении арабских материалов для изучения Кавказа»⁴³. Эти работы ценны и для историков Кавказа и для арабистов. Новые фактические данные, извлеченные из публикуемых материалов и относящиеся непосредственно к эпохе мюридизма, широта поставленных вопросов и выводы, сделанные Генко, выдвигают две первые работы далеко за пределы узкой темы и задач комментария.

Сочетание исторической темы с лингвистической представляет работа Генко «О языке убыхов»⁴⁴, посвященная анали-

³⁹ ЗКВ, т. I, 1925, стр. 345—352.

⁴⁰ А. Н. Генко, Из культурного прошлого ингушей, — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 681.

⁴¹ ЗИВАН, т. II, 1933, стр. 21—36.

⁴² СВ, 1945, № 3, стр. 36—58.

⁴³ «Труды второй сессии Ассоциации арабистов», М.—Л., 1941, стр. 81—110.

⁴⁴ ИАН СССР, ОГН, 1928, № 3, стр. 227—242.

зу языка древнего кавказского народа. В данном случае мы встречаем характерный для Генко метод исследования, сформулированный им самим в следующих словах: «...в тех случаях, когда имеющиеся в нашем распоряжении источники (исторические) дают картину противоречивую и неясную, пользование фактами языков позволяет нам разрешить не один иными способами не разрешенный вопрос. Примером может служить разбор сведений, касающихся народности убухов»⁴⁵.

Таким образом, факты языка для Генко — один из важнейших источников, служащих для выяснения фактов истории.

В равной мере Генко относил это и к методике этнографического исследования: язык изучаемого народа — важнейший источник этнографической информации⁴⁶. Большую ценность для характеристики его взглядов на этнографию Кавказа, на ее задачи и методы представляет статья «Задача этнографического изучения Кавказа»⁴⁷. Считая первейшей обязанностью этнографов дать правильную классификацию народов Кавказа, «составление... списка национальностей и пережиточных племенных или иных этнографических групп его населения»⁴⁸, Генко выдвигал этнографическое изучение Кавказа в качестве важного элемента социалистического культурного строительства. Он считал, что простое собирательство, взгляд на Кавказ как на «живую старину» должны быть заменены марксистско-ленинским, научным анализом общественной структуры народов Кавказа, усилением источниковедческой и особенно лингвистической работы.

Вся работа Генко в области лингвистики проводилась в Кавказском кабинете ИВ, занимавшем одно из ведущих мест среди новых центров кавказоведения, возникавших в национальных республиках и автономных областях Кавказа и Закавказья.

Как представитель кабинета, Генко был избран членом ЦК НА при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР. Практической грамматикой занимались главным образом на местах, но со временем выявилась необходимость разработать научные грамматики, прежде чем составлять практические и школьные. Потребовалась организационная и научная помощь центра, и в этой работе самое деятельное участие принял Кавказский кабинет ИВ. Сверх плана Генко выполнял

⁴⁵ Там же, стр. 228.

⁴⁶ Обратный пример: в своих лингвистических (а косвенно и в исторических) исследованиях Генко много занимался вопросами терминологии. Из специально разработанных им тем следует отметить тесно связанную с этнографией работу «О названии плуга в северокавказских языках» (ДАН-В, 1930, стр. 128—135).

⁴⁷ СЭ, 1936, № 4—5, стр. 6—20.

⁴⁸ Там же, стр. 12.

многочисленные работы по просьбам Дагестанского, Черкесского, Северокавказского и других институтов, особенно много было сделано им в Дагестане.

Среди лингвистических работ кабинета особое место заняла «Грамматика грузинского языка» грузиноведа-филолога Б. Т. Руденко, изданная в 1940 г.⁴⁹ Этот обширный труд, посвященный морфологии современного литературного языка с экскурсами в область синтаксиса, имел целью дать русскому читателю систематический курс грамматики грузинского языка как для теоретических изысканий, так и для практического изучения. В основу курса была положена диссертационная работа автора, написанная еще до поступления его в Кавказский кабинет, но значительно дополненная и законченная по плану ИВ. Наиболее разработанной автором частью речи оказался глагол (тема диссертации).

Грузинский язык — предмет, многосторонне изученный в лингвистике, особенно со времени появления так называемого нового учения о языке; однако его изучение продолжается и сейчас, в частности самими грузинскими исследователями. Труд Б. Т. Руденко — первая научная грамматика современного грузинского языка, изложенная на русском языке.

Руденко занимался не только языком, но и литературой грузинского народа. В течение нескольких лет он работал над подстрочным переводом грузинской версии сюжета о Бахрам-гуре. В 1941 г. перевод был закончен (ок. 20 печ. л.) и снабжен предисловием переводчика. В настоящее время часть этого подстрочника уже получила стихотворное переложение, сделанное А. И. Корсуном. Перевод публикует АН Грузинской ССР.

Еще до выхода в свет грамматики, в 1938 г. был издан перевод Руденко (частично переложение) грузинского романа XII в. «Висрамиани» — прозаической версии поэмы иранского поэта XI в. Гургани «Вис и Рамин»⁵⁰.

Перевод и издание «Висрамиани» были связаны с празднованием 750-летнего юбилея памятника мировой литературы — поэмы грузинского поэта XII в. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Три сотрудника кабинета — Б. Т. Руденко, А. Г. Кобахидзе и В. Д. Дондуа — внесли свой вклад в «Руставелиану» — литературу о поэме, об ее авторе, о его эпохе.

Тогда же Государственный Эрмитаж издал сборник «Памятники эпохи Руставели»⁵¹, в число авторов которого вхо-

⁴⁹ Б. Т. Руденко, Грамматика грузинского языка, М.—Л., 1940.

⁵⁰ «Висрамиани. Грузинский роман XII в. и персидская поэма XI в. Вис и Рамин, в изложении и переводах Б. Т. Руденко и М. М. Дьяконова», М.—Л., 1938.

⁵¹ «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938.

дил и сотрудник Кавказского кабинета, историк Грузии В. Д. Дондуа. В сборнике был опубликован перевод хроники «Жизнь царицы цариц Тамары», написанной ее бытописателем, так называемым вторым историком Тамары — Басили. Перевод вышел со вступительной статьей В. Д. Дондуа. Оригинал сочинения был обнаружен в уникальном экземпляре в 1923 г. И. А. Джавахишвили и издан им в 1945 г., т. е. много позднее русского перевода В. Д. Дондуа, сделанного по рукописи. Новый для науки исторический памятник значительно расширил фактические сведения о внутренней политической жизни Грузии и жизни грузинского царского двора эпохи Руставели, поэтому публикация его представила большой научный интерес.

Несколько статей (часть их была опубликована, а часть сохранилась в рукописях) написал А. Г. Кобахидзе: «Ленинградские архивные материалы о „Вепхисткаосани“»⁵², «Описание списков „Вепхисткаосани“ ленинградских архивохранилищ» (рукопись), «Гений грузинского народа»⁵³, «Переписка Теймураза Батонишвили с акад. Броссе в связи с необходимостью эманации текста „Вепхисткаосани“» (рукопись), «Замечание Георгия Авалишвили о „Вепхисткаосани“ в связи с первым академическим изданием 1841 г.» (рукопись). Большинство из них связано со списками поэмы Руставели собрания ИВ.

К этой же группе исследований принадлежит и работа грузиноведа-лингвиста и фольклориста И. В. Мегрелидзе, постоянно принимавшего участие в занятиях кабинета, особенно в юбилейный год Руставели. Статья И. В. Мегрелидзе «Шота Руставели и грузинский фольклор», доложенная на заседании литературной секции ИВ⁵⁴, по задачам, поставленным автором, примыкает к работе Б. Т. Руденко (его переводу «Висрамиани»), она также посвящена выявлению литературных источников поэмы Руставели, в данном случае народного творчества. В вопросе о происхождении сюжета поэмы И. В. Мегрелидзе придерживается мнения о его оригинальности, считая, однако, что Руставели несомненно использовал грузинские народные мотивы (сказки). Народные сказы цикла «Тариэлиани», так же как афоризмы, бытующие в грузинском фольклоре, автор считает заимствованием из письменного источника, любимой народом поэмы Руставели, заимствованием, получившим новую литературную обработку в устной традиции.

Историей Армении и Грузии занимались сотрудники кабинета В. Д. Дондуа и С. Т. Еремян; исследованием памятни-

⁵² «Коммунисти», Тбилиси, 1937, № 234 (на груз. яз.).

⁵³ «Смена», Л., 1937, № 294.

⁵⁴ СВ, 1940, № 1, стр. 112—146. В 1960 г. в Тбилиси вышла монография И. Мегрелидзе «Руставели и фольклор».

ков грузинской литературы — А. Г. Кобахидзе; с докладами по истории Азербайджана на заседаниях кабинета выступали И. П. Петрушевский и А. А. Али-заде.

Много внимания В. Д. Дондуа уделял выдающемуся памятнику грузинской литературы первой четверти XIX в. «Калмасоба, или Хождение по сбору» Иоанэ Багратиони. Сочинение, изложенное в форме дневника путешествия, содержит описание политической и социально-экономической жизни Грузии конца XVIII — первой четверти XIX в. Эта работа, выполнявшаяся В. Д. Дондуа по плану кабинета, была издана в Грузии только после окончания Великой Отечественной войны. В 1949 г. на грузинском языке вышло в свет второе исследование В. Д. Дондуа — «Калмасоба как бытовое явление старой Грузии». Это было продолжением работы, выполненной автором в кабинете.

Калмасоба, т. е. хождение по крестьянским дворам для поборов в пользу монастырей, рассматривается автором как один из способов организованного обложения деревни. В этой же связи В. Д. Дондуа была написана статья «К социально-экономической жизни средневековой Грузии по анийской надписи (1213) Епифания»⁵⁵, надписи, найденной и восстановленной Н. Я. Марром⁵⁶. Текст надписи отражает, по мнению В. Д. Дондуа, интересы демократических групп Ани и, рассказывая о конфликте, происшедшем между представителями церкви и народом в связи с церковными поборами, дает возможность поставить вопрос о месте народных движений в истории кризисов, пережитых христианской церковью в Закавказье.

В предпринятом АН многотомном издании «Очерков истории СССР» В. Д. Дондуа и историк-арменист С. Т. Еремян приняли активное участие: первый — в разделах, посвященных Грузии, второй — Армении.

С. Т. Еремян, прошедший научную школу в Армении и Грузии, ученик Я. А. Манандяна, С. В. Тер-Аветисяна, Л. М. Меликсет-Бека, начал свою работу в кабинете с краткого пребывания в аспирантуре и защиты кандидатской диссертации на тему «Грузия в эпоху марзпанства». Диссертация, снабженная серией исторических карт, была подготовлена в Армении и успешно защищена в ИВ. В лице С. Т. Еремяна кабинет приобрел молодого, но уже сложившегося ученого-армениста с широким кругозором, по существу историка Закавказья, хотя и с преобладанием в его работах арменистических тем.

Знакомство со специальной литературой с самого начала

⁵⁵ Сборник в честь Н. Я. Марра, Л., 1935, стр. 643—670.

⁵⁶ Н. Я. Марр, Надпись Епифания, католикаса Грузии, — ИИАН, 1910, стр. 1433—1442.

научной деятельности Еремян сочеталось с обращением к первоисточникам. Прекрасное знание древнеармянского и грузинского языков открывало ему возможности свободного использования и толкования источников этих двух соседних народов. Восприняв традиции кавказоведной школы Н. Я. Марра, Еремян в своих историографических исследованиях сразу пошел путем широкого охвата исторических явлений кавказского мира в целом.

Особый интерес Еремян проявлял к исторической географии, что выразилось в составлении им многочисленных исторических карт. Из исследований, выполненных им за время работы в кабинете, отметим следующие: «Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу»⁵⁷, «Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов»⁵⁸ и «Проблема двуцарствия в грузинской историографии».

Первая из этих работ посвящена «Истории Албании» Моисея Каланкатуйского, первостепенному источнику для истории современного Азербайджана.

Источник, по мнению исследователей, представляет компиляцию двух трудов VII и X вв. Еремян на основании анализа текста и путем сличения его со сведениями других источников — античных, армянских, грузинских, арабских — устанавливает дату посольства албанских феодалов, отложившихся от халифата, к хазарскому хану с просьбой о покровительстве (684 г.), маршрут из Партава до Варахана (определяя его не как обычный торговый путь, а как «убежище для всех антиарабски настроенных элементов»), впоследствии (в XVI в.) представлявший интерес для Московского государства, топонимику целого ряда пунктов маршрута, действительное их расположение и другие вопросы.

Вторая работа — «Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов» — посвящена анализу «Пейтингеровой таблицы» — карты мира с дорожной сетью, составленной, как предполагается, римским географом IV в. Касторием.

В числе сотрудников Кавказского кабинета были К. А. Ракитина, А. Г. Башинджагян, Р. Р. Орбели, позднее А. Г. Галстян, С. Г. Арешян. Хотя большинство из них были научно-техническими работниками, но все они имели и самостоятельные темы научного характера⁵⁹.

⁵⁷ ЗКВ, т. VII, 1939, стр. 129—155.

⁵⁸ ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 79—97.

⁵⁹ К. А. Ракитина, постоянный помощник А. Н. Генко в составлении словарных карточек, имела тему «Исторические карты Северного Кавказа»; А. Г. Башинджагян собирал этнографические сведения из армянских источников; Р. Р. Орбели занималась армянским фольклором; А. Г. Галстян — историей Армении; С. Г. Арешян — армянской литературой, главным образом ее связями с русской.

С середины 1934 г. значительное место в жизни кабинета заняла созданная по его инициативе Ассоциация кавказоведов при ИВ. Такое творческое объединение научных сил Ленинграда, по образцу уже действовавших к этому времени ассоциаций арабистов и тюркологов, было признано своевременным и перспективным. Современное состояние кавказоведения, по мнению отдельных специалистов (среди них А. Н. Генко), в исследовательских институтах и в особенности в высшей школе значительно отставало от действительных научных потребностей, в частности Северного Кавказа и Дагестана.

Другие исследователи (в их числе А. Г. Башинджагян (ИЯМ) и В. Д. Дондуа) считали, что для работы в области языка, истории, фольклора и истории материальной культуры кавказоведная наука к 1934 г. располагала всеми возможностями для разработки этих дисциплин на прочной базе, созданной Н. Я. Марром и его школой. Как полагал И. И. Мещанинов, во главу угла всей работы ассоциации нужно было поставить изучение человека, а в дальнейшем, в целях большей полноты исследований, перейти к изучению производительных сил Кавказа.

Для взаимной информации и во избежание дублирования тематики одной из важнейших задач ассоциации было признано развитие контактов. В этом смысле особенно тесная связь должна была быть установлена с Закавказским филиалом Академии наук СССР и персонально с отдельными учеными.

Работой ассоциации руководило правление в составе: Н. Я. Марр (председатель), И. И. Мещанинов (заместитель председателя, позднее председатель), А. Г. Кобахидзе (секретарь); членами правления были избраны И. А. Орбели, А. Н. Генко и А. Г. Башинджагян.

Первое организационное заседание Ассоциации кавказоведов, на котором были обсуждены основные задачи ассоциации, принят ее устав и избрано правление, состоялось 8 мая 1934 г. К концу года ассоциация насчитывала свыше тридцати постоянных членов.

По роду научных занятий членов и гостей — участников заседаний — в ассоциации были представлены такие области, как лингвистика, история, фольклор, этнография, история материальной культуры и искусствоведение. В течение года ассоциация проводила пять-шесть заседаний. Из многих докладов, обсужденных ассоциацией за период с 1934 по 1941 г., назовем некоторые: Б. Т. Руденко «Функции использования глагольных основ „кп“ и „кмн“ в картвельских языках», А. Н. Генко «Глава из грамматики абазинского языка», Л. М. Меликсет-Бек «Севанская надпись от 874 г.», В. Д. Дондуа «Георгий Русский как политическая фигура в истории

Грузии», И. П. Петрушевский «О династии грузинских меликов в Южном Азербайджане в начале XIII в.», А. А. Али-заде «Налоги и способы их взимания при Хулагуидах» и др.

Полного осуществления намеченных задач ассоциация не достигла, но ее полезная роль заслужила общее признание. Информация о новейших, еще не опубликованных исследованиях, совместное обсуждение актуальных проблем изучения Кавказа, живые связи ленинградских кавказоведов между собой и с представителями ученого мира Кавказа и Закавказья, наконец, критика и рекомендация работ к печати — все это служило стимулом к развитию кавказоведной проблематики на базе ИВ.

С началом Великой Отечественной войны Кавказский кабинет имени Н. Я. Марра (с 1935 г.) и Ассоциация кавказоведов на долгие годы прекратили свою работу. Кабинет понес тяжелые утраты: погибли А. Н. Генко, Б. Т. Руденко и А. Г. Башинджагян. Некоторые сотрудники кабинета перешли на работу в научные учреждения Грузии и Армении.

На этом завершился третий период истории кавказоведения в АМ — ИВ. Он был недолгим, но творческим и принципиально новым как по задачам, поставленным перед кавказоведами, так и по результатам деятельности некоторых из них. Впервые в истории кавказоведения в АМ — ИВ научная работа на всех ее уровнях руководилась идеей практической полезности для изучаемых народов.

* * *

С возвращением ИВ в Ленинград в 1945 г. деятельность института возобновилась в привычной обстановке, но требовала безотлагательного восстановления нормальных условий работы всех его отделов.

Из числа прежних сотрудников Кавказского кабинета к работе в ИВ вернулась только Р. Р. Орбели. Кабинет был закрыт, и возобновление его деятельности в ближайшие годы не имело перспектив. Р. Р. Орбели была назначена хранителем грузинских и армянских рукописей и Архива востоковедов.

Положение кавказоведения в ИВ свелось к ситуации второго периода его истории: хранение рукописей, консультации и использование отдельных рукописей в качестве источников для исследований. Широкий приток научных работников из Грузии приводил в постоянное движение грузинский рукописный фонд. Ленинградские коллекции ИВ и ГПБ вызвали большой интерес грузиноведов, изучавших рукописи

самого разнообразного содержания, средневековые и нового времени.

Необходимость делить свои обязанности между собраниями кавказских рукописей и АВ тормозила работу Р. Р. Орбели над грузинскими и армянскими рукописями. Положение изменилось с организацией Сектора восточных рукописей ИВ, направившего работу большинства сотрудников на изучение и описание рукописных коллекций. Р. Р. Орбели, освобожденная от обязанностей по АВ, получила задание заняться описанием армянского и грузинского фондов. Первыми результатами ее работы было составление карточного каталога к армянским рукописям и сбор материалов по истории их собирания в ИВ, что послужило основой для статьи, опубликованной в УЗИВАН. Позднее, в итоге аналогичной работы, ею была написана статья, посвященная собранию грузинских рукописей ИВ, вслед за чем Р. Р. Орбели приступила к полному описанию грузинских рукописей, в настоящее время завершенному⁶⁰.

Организация ЛО ИВ, которое возглавил И. А. Орбели, открыла перед кавказоведением широкие перспективы. В конце 1958 г. Кавказский кабинет был восстановлен и начал свою работу под руководством И. А. Орбели. В штат были приняты историк-медиевист, арменист и византолог К. Н. Юзбашян и лингвист-тюрколог, специалист по азербайджанскому языку А. П. Векилов. Сотрудником кабинета стала и Р. Р. Орбели. Позднее, в конце 1960 г., в штат был принят историк-медиевист, грузиновед С. С. Какабадзе.

Уже первые шаги в подборе кадров кабинета, предпринятые И. А. Орбели, характеризуют направление, которое он предполагал придать его работе. В кабинете должны были быть представлены историки и филологи для изучения отдельных проблем истории народов Закавказья, их языков и письменности, их культуры. В будущем И. А. Орбели имел в виду укрепить штаты кабинета для работы в области арменистики и грузиноведения.

И как ученик Н. Я. Марра и на основании своих личных исследований И. А. Орбели не представлял себе Кавказ вне его связей, исторических и культурных. Дальнейшая работа кабинета, как он полагал, отнюдь не исключала исследования истории и культуры Северного Кавказа, Дагестана и Азербайджана, но рассмотрение этих вопросов предполагалось в свете комплексного изучения истории культуры всех народов Кавказа. Основным направлением было намечено

⁶⁰ «Собрание армянских рукописей Института востоковедения», — УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 104—130; «Собрание грузинских рукописей Института востоковедения», — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 30—66; «Грузинские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР», вып. I, М.—Л., 1956.

изучение Армении и Грузии, их связи с Кавказом, с Востоком и с Западом, в зависимости от темы исследования. Имея в виду, что в прошлом кабинет носил имя Н. Я. Марра, И. А. Орбели хотел направить кабинет по пути лучших традиций его научной школы.

Естественно, что современное развитие науки в советских республиках Закавказья — Грузии, Армении, Азербайджане — и на Кавказе изменило традиционное содержание кавказоведения как исторически сложившейся комплексной дисциплины. На фоне региональной дифференциации, объема и важности исследований, которые проводятся большими коллективами ученых в республиканских АН и в других научных учреждениях, казалось бы, что старое кавказоведение теряет свою жизненность и уходит в область истории. Однако это не совсем так. Отдельные проблемы истории и культуры Кавказа и Закавказья еще могут потребовать своего решения путем комплексного рассмотрения.

Не ставя себе задачей возродить кавказоведение в ИВ в его прежнем объеме, И. А. Орбели считал закономерным включение проблем кавказоведения в проблематику восточноведных дисциплин.

В научных кругах Армении и Грузии, Азербайджана, Дагестана и Северного Кавказа инициатива И. А. Орбели была встречена с полным признанием ее значения.

Кончина руководителя кабинета не приостановила начатой работы. Направление было дано и должно было развиваться. Правда, немногие силы нуждались в поддержке. Основными сотрудниками кабинета остались лишь Р. Р. Орбели, К. Н. Юзбашян и С. С. Какабадзе (специалист по Азербайджану А. П. Векилов перешел на работу в ЛГУ).

К концу 1961 г. было начато издание избранных трудов И. А. Орбели, и руководство ЛО ИНА поручило Кавказскому кабинету принять участие в подготовке их к печати. С этих пор ответственный редактор издания К. В. Тревер фактически стала постоянным членом кабинета. Помещенный на временное хранение в кабинет архив И. А. Орбели требовал разбора, и в помощь ответственному редактору в штат кабинета была зачислена Э. С. Русинова. Заведующей кабинетом назначили Р. Р. Орбели.

Помимо научного архива кабинет стал хранителем мемориальных библиотек Н. Я. Марра и И. А. Орбели.

С 1961 г. по настоящее время работа кабинета сложилась в трех направлениях: выполнение плановых тем сотрудников, подготовка трудов И. А. Орбели к изданию и занятия семинара кавказоведов, организованного при кабинете в конце 1963 г.

Научная работа сотрудников кабинета прежде всего тесно связана с описанием рукописных коллекций, с изучением и

публикацией памятников письменности. На данном этапе работы источниковедение занимает основное место в занятиях кавказоведов ЛО ИВ. Многие из тем, уже выполненных или намеченных ими на будущее, в той или иной мере связаны с исследованием рукописей как ЛО ИВ, так и других хранилищ на базе предварительного палеографического и текстологического анализа. Социально-экономическая история Армении и Грузии и их историко-культурные связи с Востоком и Византией занимают не менее важное место в интересах и исследованиях двух медиевистов, в силу чего их внимание сосредоточено на памятниках исторического содержания. Оба историка, К. Н. Юзбашян и С. С. Какабадзе, за время работы в кабинете опубликовали и подготовили к печати ряд статей, а также большие работы. К. Н. Юзбашян, посвятивший несколько лет исследованию и переводу на русский язык «Повествования» армянского историка XI в. Аристакэса Ластивертци, опубликовал оригинальный текст «Повествования» и комментированный его перевод⁶¹. Из изданных работ К. Н. Юзбашяна необходимо отметить и составленную им научную биографию И. А. Орбели, которая по широте охвата материала представляет интересную главу из истории русского и советского востоковедения⁶². К. Н. Юзбашян завершил свою работу по описанию армянских рукописей, по окончании которой приступит к монографии «Армения и Византия в XI в.». Кроме того, К. Н. Юзбашян руководил прикомандированной к ЛО ИВ аспиранткой Ф. Мамедовой, изучающей социально-экономическую историю Кавказской Албании (по армянским источникам).

С. С. Какабадзе в 1967 г. издал работу о грузинских документах ИВ, содержащую помимо описания рукописей вступительную статью и публикацию образцов грузинского документа в русском переводе⁶³. Значительное место в работе С. С. Какабадзе за последние годы заняла подготовка нового критического текста начальной части основного свода грузинских летописей «Картлис цховреба» с исследованием, комментарием и русским переводом. Русский перевод летописей сделан впервые. В настоящее время С. С. Какабадзе приступил к новой работе по грузинскому источниковедению и грузинской дипломатике.

Р. Р. Орбели, опубликовавшая и подготовившая ряд статей источниковедческого и историко-литературного характера, связанных главным образом с описанным ею ранее собранием грузинских рукописей ИВ, работает в настоящее время над

⁶¹ «Повествование Аристакэса Ластивертци», Ереван, 1963 (на арм. яз.); «Повествование Аристакэса Ластивертци», М., 1968.

⁶² «Академик Иосиф Абгарович Орбели», М., 1964.

⁶³ «Грузинские документы Института народов Азии АН СССР», М., 1967.

темой «Очерки грузинской литературы XVIII в. в ее связях с русской и западноевропейскими литературами».

В начале 1967 г. вышел в свет том I избранных трудов И. А. Орбели, подготовленный к печати К. В. Тревер и А. Л. Якобсоном при участии К. Н. Юзбашяна. Том содержит два обширных труда И. А. Орбели: «Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар» и «Басни средневековой Армении»⁶⁴. Том II — «Из истории культуры армянского и курдского народов» — находится в издательстве. Подготовку его осуществили Р. Р. Орбели и группа сотрудников Курдского кабинета ЛО ИВ — К. К. Курдоев, И. И. Цукерман, Ж. С. Мусаэлян, М. Б. Руденко и Е. И. Васильева. Ответственный редактор К. В. Тревер. Том содержит армянский и курдский словари мокского наречия и другие материалы лингвистического и историко-этнографического характера.

Работа кабинета протекает в постоянном общении с широким кругом специалистов в области изучения Кавказа. Прежде всего кабинет поддерживает связи с институтами АН Азербайджана, Грузии и Армении, Северного Кавказа и Дагестана, с университетами и сотрудниками республиканских педагогических институтов. Совместное обсуждение отдельных работ гостей кабинета и его сотрудников, участие кавказских ученых в научных заседаниях кабинета и постановка их докладов, научная переписка, рецензии — все это прочно вошло в жизненный обиход кабинета. Тесные связи кабинет имеет и с ленинградскими кавказоведами ЛГУ, Эрмитажа, Института этнографии АН, Музея этнографии народов СССР и других учреждений.

В конце 1963 г. при кабинете было организовано творческое объединение кавказоведов по образцу ассоциации, действовавшей в ИВ до Великой Отечественной войны, но названное семинаром. Семинар объединил специалистов, ведущих в Ленинграде исследовательскую работу в области истории, археологии, этнографии, литературы, искусства и языков народов Кавказа, и поставил своей задачей способствовать разработке проблем кавказоведения, обсуждению работ по специальностям и взаимную информацию. На заседаниях семинара читаются доклады, сообщения и рецензии, посвященные как общим, так и частным проблемам кавказоведения. В состав бюро семинара были избраны К. В. Тревер, Н. В. Пигулевская, Б. Б. Пиотровский, Л. И. Лавров, Е. Н. Студенецкая, Р. Р. Орбели, Р. А. Гусейнов, А. З. Абрамишвили, К. А. Ракитина, В. Б. Блэк, А. П. Векилов. Семинар творчески объединил рассеянных в разных ленинград-

⁶⁴ «Избранные труды в двух томах, т. I. Из истории культуры и искусства Армении X—XIII вв.», М., 1968.

ских учреждениях кавказоведов и оправдал свое назначение⁶⁵.

С 1961 г. по настоящее время кабинет, иногда совместно с группой ленинградских византистов, с Восточным отделом Эрмитажа и Семинаром кавказоведов, провел много научных заседаний и несколько сессий. Начиная с 1962 г. кабинет ежегодно проводит сессию, посвященную памяти И. А. Орбели⁶⁶; в декабре 1964 г. в связи со 100-летием со дня рождения Н. Я. Марра кабинет организовал сессию с широким участием ученых Кавказа и Закавказья⁶⁷.

В дальнейшем сотрудники кабинета предполагают продолжать изучение Кавказа в целом, в области истории и истории культуры.

⁶⁵ Отчеты о некоторых сессиях и заседаниях, составленные Н. В. Елисеевой, — НАА, 1964, № 4, стр. 266; 1965, № 5, стр. 250; 1966, № 2, стр. 247; 1966, № 4, стр. 290; 1967, № 3, стр. 219—220.

⁶⁶ Э. С. Русинова, 75-летие со дня рождения И. А. Орбели, — НАА, 1962, № 5, стр. 226—228.

⁶⁷ Р. Р. Орбели, Памяти Н. Я. Марра (К столетию со дня рождения. 1864—1934), — ПС, вып. 13(76), 1965, стр. 189—196 (с отчетом о сессии).